

гом, постоянная угроза вмешательства соседних государств, волнения социальных низов, вылившиеся в различные сектантские движения. Кроме того, в самом протестантизме очень скоро возникают противоборствующие течения, что было обусловлено отсутствием в нем строгой иерархической системы. Все это создавало невозможность переговоров между враждебными сторонами и влекло за собой постоянные конфликты.

С самого начала Реформация, как мы видели, оказалась не только движением «духовного обновления», но и частью сложной политической комбинации. Кроме того, судьба ее в значительной степени зависела от политического таланта единственного человека — Лютера. Естественно, что в таких условиях единения немцев не произошло, и каждый последующий год отдалял эту мечту.

Трагизм ситуации заключался в том, что движение, призванное объединить нацию, в дальнейшем само и превратилось в важное препятствие на пути этого объединения, привело страну к ряду ожесточенных внутренних войн. Само лютеранское движение скоро впадо в кризис, и в молодых буржуазных республиках протестантизм утвердился в форме кальвинизма. В Германии же политика в XVI, XVII и XVIII вв. явно восторжествовала над религией. Яркий пример тому — действия прусского короля Фридриха II: «король-философ», сам не будучи человеком религиозным, во время Семилетней войны объявлял, будто бы австрийский фельдмаршал Даун получил от папы Римского священные шляпу и шпагу, стреляя тем самым «разжечь ярость во всех, кто имеет хоть слабую склонность к Мартину Лютеру» [8]. Все же, Лютер до конца земного пути сохранял свои авторитет и влияние.

Реформация и возникшая с ней протестантская цивилизация постоянно были вовлечены в разного рода политические комбинации (так, в ходе Английской революции и вовсе будет невозможно провести грань между политиками и богословами: политическая позиция по сути и становится позицией религиозной). Эти комбинации в известной степени были причиной появления этой цивилизации. И невозможно не удивляться той искусности, тому мастерству, с какими действовал Лютер, пытаясь осуществить поставленную сверхзадачу в 1517 — 1521 гг., используя благоприятную политическую конъюнктуру в интересах Реформации и по необходимости позволяя другим использовать себя как орудие для достижения куда меньших по масштабу и последствиям целей, чем та, которой он посвятил свою жизнь.

[1] Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. — М.: Мысль, 1991. С. 18.

[2] Бецольд Ф. История Реформации в Германии. — СПб.: Изд. А.Ф.Пантелеева, 1900. С. 196.

[3] Лютер Мартин. Избранные произведения. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр христианской лит-ры и информации, 1997. С. 11.

[4] Там же. С. 10.

[5] Там же.

[6] Лампрехт К. История германского народа. Т. 3. — М.: Изд. К.Т.Солдатенкова, 1896. С. 203.

[7] Лютер Мартин. Избранные произведения. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр христианской лит-ры и информации, 1997. С. 57.

[8] Эпштейн А.Д. История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 г. М.: Изд. ИМО, 1961. С. 272.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В «ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ» (1933-1945 ГГ.)

А.В. Курьянович

г. Минск, БГУ

Феномен германского фашизма есть и будет объектом пристального внимания историков, как в самой Германии, так и за рубежом. Благодаря многочисленным исследованиям можно подробно проследить истоки, эволюцию и финал гитлеровской системы, ее идеологии и практики. Учеными также созданы фундаментальные труды, в которых идет речь о роли нацизма в важнейших сферах общественно-политической жизни Германии [1]. Более того, в современной германской историографии весьма значимым и популярным является такое направление как история повседневности (Alltagsgeschichte), сторонники которой изучают проблему восприятия нацизма на бытовом уровне, «изнутри» [2].

Немаловажное значение имеет и вопрос о роли исторической науки в период «третьего рейха». Как идеи национал-социализма были восприняты германскими историками 1930-40-х гг., и какой была по характеру история в «третьем рейхе»: «борющейся» наукой или направлением, способным решать теоретико-методологические задачи, выработать собственные приемы исследования?

Постановка подобных вопросов оказывается весьма любопытной. Некоторые современные германские исследователи как, например, В. Оберкромме близки к восприятию нацистской историографии как научного направления, которое внесло новаторский характер, изменило не только теорию истории, но и способы работы над историческими источниками. В частности, использование статистических методов позволило нацистской исторической науке совершить не только определенный рывок в количественном накоплении данных, но и создать новую концепцию, тем самым в корне изменив парадигму исторического знания[3].

К тому же прослеживаются явные аналогии с советской историографией, научные принципы которой не только критически переоцениваются, но и ставятся под сомнение, а сама она трактуется не иначе как «репрессивная» наука.[4] Поэтому неудивительно, что к вопросу о судьбе исторической науки в период германского фашизма обращаются и современные российские исследователи.[5]

В свое время французский юрист П. Валери отмечал, что «история является самым опасным продуктом интеллекта»[6]. Действительно, историческая наука за время своего существования не только выполняла исконно традиционные познавательные и воспитательные функции, но и становилась эффективным средством пропаганды, своеобразным «проводником» откровенно националистических и шовинистических идей. А это является более разрушительным фактором, чем другое оружие[7]. Наиболее отчетливо такая тенденция проявилась в 1933-1945 гг. в Германии.

Воззрения гитлеровских историков были обусловлены в первую очередь политической обстановкой в стране, атмосферой общей ненависти немцев к послевоенному мирному договору 1919 г., апелляцией к былому могуществу германского рейха. Сами творцы Версальской системы отмечали ее неустойчивость, поэтому нет ничего удивительного в том, что в Германии впоследствии «был неизбежен всплеск национализма»[8]. Если в период Веймарской республики даже некоторые консерваторы (Г. Риттер) относились к ней с достаточной лояльностью, то для нацистской историографии были характерны апологетические, непримиримые черты по отношению к тому общественно-политическому и социальному укладу, который сложился в Германии после первой мировой войны.

Придя в январе 1933 г. к власти, нацисты с энергией принялись воплощать в жизнь свою программу, цель которой состояла как в преодолении в стране социально-экономического и идейного кризиса, так и в возвращении Германии ее былого могущества, в превращении немецкой нации в мирового гегемона. Исторической науке предстояло внести немалую лепту в то, чтобы декларации национал-социалистов с обоснованием уникальности германского общества, направленные на возрождение его традиционных атрибутов, развитие сугубо национального государства, обеспечивающего особый статус великой державы исключительно с помощью военной силы, оказались успешными.

От ликвидированной Веймарской республики национал-социалисты получили в наследство мощную систему исторической науки как в академическом плане, так и в теоретико-методологическом отношении. В Германии функционировала довольно разветвленная сеть специализированных учреждений (университеты, комиссии, институты), усилиями которых был осуществлен ряд изданий и исследовательского, и источниковедческого характера. Научная атмосфера отличалась отсутствием монопольного влияния какого-либо течения или школы. Наоборот, наличие различных направлений по отношению к тематике и методам исторического исследования — характерная черта германской историографии начала 1930-х гг.

Естественно, такое положение дел не могло оставаться долгим в силу того, что тоталитаризм как форма общественной жизни исключает возможность какого-либо диалога, сосуществования. Поэтому организационные шаги нацистов в области «исторической политики» отличались ярко выраженной радикальностью, непримиримостью, стремлением провести в короткие сроки кардинальные перемены. Уже в мае 1933 г. был принят специальный закон по охране национальных символов, который запрещал «применение символики немецкой истории, немецкого государства таким образом, чтобы не унижить их достоинство»[9]. А проректор Берлинского университета В. Гоппе осенью того же года заявил, что «объединение исторических сообществ поставлено под руководство и открыто признает задачу в третьей империи, и лишь тогда будет прочным, когда безоговорочно будут усвоены всеми членами объединения требования Адольфа Гитлера в области исторической науки».[10]

В первую очередь гитлеровское руководство пыталось «разобраться» со старой профессурой, большинство из которой весьма настроенно отнеслись к идеологии нацизма. Поэтому неудивительно, что в первые годы существования режима во многих университетах прошла массовая «чистка». Следует заметить, что представители старой школы не уничтожались физически и в ряде случаев даже не арестовывались, если сравнивать с аналогичными процессами в СССР. Большинство историков-профессоров были уволены либо эмигрировали за рубеж. Апогеем этого процесса стало изгнание в 1935 г. историка Ф. Майнеке с поста редактора ведущего немецкого периодического издания «Исторический журнал» (Historische Zeitschrift). Его не спасла даже юбилейная статья к сто пятидесятому тому журнала, славящая национал-социалистическую революцию, которая «настоятельно напоминает каждому отдельному немцу о его предках»[11]. На место Ф. Майнеке пришел член нацистской партии, профессор К. А. фон Мюллер, который заявил в 1936 г. в одном из программных выступлений, что «историческая наука идет к новому государству и своей молодежи не с пустыми руками»[12].

В целом же деятельность историков-преподавателей, учителей наравне с государственными служащими регламентировалась такими «драконовскими» юридическими актами, как закон об охране народа и государства (февраль 1933 г.), закон о профессиональной пригодности (апрель 1933) и т.д. По этим законам уже в первые годы режима было уволено примерно около 15 % профессорско-преподавательского состава[13]. Подобные меры имели для исторической науки далеко идущие последствия, ибо Германии требовались не только «политики и экономисты, но и научные солдаты»[14]. На места уволенных профессоров приходили молодые энергичные историки. Один из известных нацистских исследователей К. Бранди, например, констатировал, что на седьмом международном историческом конгрессе в августе 1933 г. в Варшаве и Кракове немецкая делегация историков была «самой молодой» из всех[15].

Наряду с кадровой политикой в области исторической науки принимался ряд мер по ликвидации старых и созданию новых соответствующих учреждений. Так, например, в 1935 г. была распущена имперская историческая комиссия, на базе которой вскоре возник имперский институт новой истории Германии. Его руководителем стал нацист В. Франк, которого один из чешских исследователей назвал «выдающимся историком»[16].

Институт представлял собой структуру с множеством отделов. В его задачи входили фундаментальные комплексные исследования экономических, политических и культурных аспектов германской истории. Учитывая, что антисемитизм являлся неотъемлемой частью нацистской идеологии, в этом учреждении был создан «еврейский отдел» под руководством ученого В. Грау. Этот отдел впоследствии был преобразован в отдельный институт изучения «еврейского вопроса» во Франкфурте на Майне под эгидой А. Розенберга[17]. А в «историческом журнале» с 1936 г. начала свою «научную деятельность» рубрика «История еврейского вопроса». Патроном рубрики, как и «главным специалистом» в области «еврейства» стал В. Грау. Он начал активную деятельность, публикуя рецензии и давая советы историкам. Так в одной из рецензий на книгу

историка Ф. Кинасса «Еврей в немецкой народной песне» В. Грау оценил значение этой книги для политики антисемитизма[18].

В своей программной брошюре «Еврейский вопрос как задача германской исторической науки» В. Грау отмечал, что назрела необходимость заново переписать историю евреев[19]. Однако вместо объективных исследований историки начали настоящую дискредитацию евреев, став рассадниками откровенно — националистических и милитаристских воззрений и оказались ответственными за трагические судьбы еврейского народа в 1930-40-е гг.

Определяя перспективы развития исторической науки, историки-нацисты всячески подчеркивали ее «народность», давние традиции. История должна была быть не просто «историей», а «народной историей» (Volksgeschichte). Одно из центральных мест в данной концепции занимал немецкий народ, как подлинный носитель ценностей западноевропейской культуры[20]. «Германцы», — утверждал историк Й. Пфитцнер, — «являются культурными пионерами Западной Европы»[21]. А другой исследователь, Ф. Рёгиг в своей рецензии на книгу К. Редлих «Национальный вопрос и восточная колонизация в средневековье» обрушился на автора за то, что она якобы слишком «упрощенно» трактует суть национального вопроса[22].

Такие «национальные» тенденции прослеживались не только в политической, но и экономической истории Германии. Например, историк Г. Бехтель утверждал, что экономическая история должна быть по существу национальной. В своей монографии он, опираясь на выкладки консервативного историка В. Зомбарта, отстаивал тезис автаркии, идеализировал ремесло, отвергал индустриализацию общества[23].

«Истинная» немецкая культура противопоставлялась варварской, азиатской, российской, в частности. Например, в сентябре 1938 г. в рамках партийного съезда в Нюрнберге была проведена выставка, посвященная истории СССР, на которой Советский Союз оценивался не иначе, как «главный источник» еврейско-большевистской опасности[24].

Однако, например, А. Розенберг призывал к дифференцированному научному подходу к Советскому Союзу[25]. А бреславский профессор Г. Аубин восклицал: «Что мы забыли в Польше? Нам нужен знаток России!»[26]. Из этих установок выводилась соответствующая проблематика. Пожалуй, чаще всего гитлеровские историки обращались к истории народонаселения СССР, его демографического состояния. Данное направление получило в исторической науке нацистской Германии особое развитие. Так, германский исследователь А. Гюнтер считал, что необходимо более активно заняться «историей населения» (Bevoelkerungsgeschichte), как необходимого элемента для выработки политики в отношении населения в «третьем рейхе», в частности[27].

В отношении Советского Союза стоит отметить исследования, посвященные переписи населения 1937 г. Эта перепись, о которой в СССР запрещено было даже упоминать, стала объектом пристального внимания гитлеровских историков. Один из исследователей в статье «Аннулированная перепись 1937 г. и демографическое состояние Советского Союза» утверждал, что беда старой России на всем протяжении ее истории в перенаселении. Это якобы стало главной причиной «еврейской» революции и установления большевистской диктатуры. Поэтому вполне понятно, продолжал автор, стремление советских властей решить эту проблему путем проведения форсированной индустриализации, сплошной коллективизации и массовых репрессий. Однако, советская власть не отвечает своему «национально-биологическому назначению» и поэтому должна быть уничтожена, как, впрочем, и вся «советская культура»[28].

Образ России формировался не только идеологией, но и на основании экспертных и аналитических данных различных исследовательских учреждений. В этом отношении интерес представляют периодические издания Института по исследованию культуры. На его страницах историки давали различные справки о развитии СССР как потенциального противника, состоянии его экономики, истории развития железных дорог, авиа-

ции, торгового флота. На их основании складывалась, правда, не всегда верная картина о военно-промышленном потенциале СССР, его оборонной мощи[29].

Развивывание Германией второй мировой войны самым непосредственным образом отразилось на состоянии исторической науки. Практически она была сведена для обслуживания милитаристских целей, нагнетания образа врага. Нацистские историки с еще большей энергией апеллировали к великому прошлому Германии, империи Бисмарка, походу Наполеона 1812 г. Германия представлялась в виде щита от азиатского нашествия. Вышеупомянутый К. Бранд в статье «Что мы защищаем с Западной Европой?» утверждал, что русские символизируют хаос и поэтому нуждаются в твердом германском порядке[30].

В целом историческая наука в военный период оказалась в незавидном положении, по меткому выражению В. Франка в «зимней слячке»[31]. Изоляция от историографического пространства, разрыв научных связей, окончательное превращение в механизм государственно-политической системы, — характерные черты ее развития.

В годы второй мировой войны широкое распространение получили издания серии «О возникновении нашего народа». Они отличались невысоким теоретическим уровнем и крайней тенденциозностью. Как правило, такие издания были небольшого, карманного формата и были рассчитаны на солдат вермахта, чтобы укрепить их боевой дух и веру в несокрушимость «третьего рейха». Автор одного из таких изданий, доктор Г. Мершбергер отмечал, «что немецкий народ и его союзники находятся в решающей схватке против сил разрушения. Мы защищаем все ценности более чем тысячелетней культуры, которую можно обозначить одним ясным словом, — Европа»[32]. Данные издания были рассчитаны на несколько выпусков, начиная с древнейших времен и заканчивая современной историей Германии. Но этому не суждено было сбыться. Поражение гитлеровской Германии во второй мировой войне привело и к краху ее идеологии, в которую была органично вписана и историческая наука.

[1] Das Dritte Reich im Ueberblick. Chronik, Ereignisse, Zusammenhaenge. — Muenchen-Zuerich, 1989; Deutschland 1933-1945; Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Duesseldorf, 1992; Childers T. The Nazi Voter. The Aozial Foundations of Fascism in Germany 1919-1933, Chapel Hill, 1983; и др.

[2] Hauptert B., Schaefer F.-J. Jugend zwischen Kreuz und Hakenkreuz. Biographische Rekonstruktion als Alltagsgeschichte des Faschismus. Frankfurt am Main, 1991; и др.

[3] См.: Oberkrome W. Volksgeschichte: methodische Innovation und voelkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918-1945. — Goettingen, 1993.

[4] Афанасьев Ю. Феномен советской историографии // Советская историография. — М., 1996. — С. 9.

[5] Хряков А.В. Историческая наука в фашистской Германии: рождение «новой» социальной истории? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. — М.: УРСС, 2000. — С. 246-258.

[6] Цит. по: Кошелев В. Первоисточники о повседневной жизни и права человека как учебная цель (на материале школьных учебников «Всемирная история нового времени для 7-х и 8-х классов общеобразовательной школы Республики Беларусь») // История школьниа і права чалавека. Матэрыялы Мжнароднай канферэнцыі. Мінск, 1-5 снежня 1999 года. — Мн., 2000. — С. 17.

[7] Цит. по: Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. — СПб., 1997. — С. 522.

[8] Zingarelli I. Das Erbe von Versailles. — Zuerich, Leipzig, Wien, 1930. — S. 122-125.

[9] Die toedliche Utopie. Texte, Dokumente, Daten zum Dritten Reich. — Muenchen, 1999. — S. 465.

[10] Цит. по: Хорхордина Т.И. Архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. — М., 1996. — С. 196.

[11] Meinecke F. Geleitwort zum 150. Bande der Historischen Zeitschrift und zum 100. Geburstage Heinrich von Treitschkes // Historische Zeitschrift. — 1934. — Bd. 150. — H.1. — S. 9.

- [12] Цит. по: Schulze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. — Muenchen, 1989. — S. 40.
- [13] Патрушев А. Германская историография в 1918-1945 гг.: проблема преемственности и разрыва с прошлым // Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. — М., 2000. — С. 89-91.
- [14] Zahn F. Die Statistik in nationalsozialistischen Grossdeutschland // Allgemeines statistisches Archiv. — 1940. — Bd. 29. — S. 370.
- [15] Brandt K. Der siebente internationale Historikerkongress zu Warschau und Krakau 21.-29. August 1933 // Historische Zeitschrift. — 1933. — Bd. 159. — H.1. — S. 214.
- [16] Pfitzner J. Neue Wege der Tschechischen Geschichtswissenschaft // Historische Zeitschrift. — 1936. — Bd. 153. — H.3. — S. 533.
- [17] Brenner M. Jüdische Geschichte an deutschen Universitäten // Historische Zeitschrift. — 1936. — Bd. 154. — H.1. — S. 129.
- [18] Grau W. Der Jude im deutschen Volkslied. Eine Teilstudie von Fritz Kynnas // Historische Zeitschrift. — 1936. — Bd. 154. — H.1. — S. 109.
- [19] Gancer K.I. Wilhelm, Grau «Die Judenfrage als Auggabe der deutschen Geschichtsforschung // Historische Zeitschrift. — 1936. — Bd. 153. — H.3. — S. 619.
- [20] Korfer R. Der Untergang der alten Kulturvoelker. Dritter Teil. // Allgemeines statistisches Archiv. — 1939. — Bd. 28. — S. 85-86.
- [21] Pfitzner J. Die Geschichte Osteuropas und die Geschichte des Slawentums als Forschungsprobleme // Historische Zeitschrift. — 1934. — Bd. 150. — H.1. — S. 81.
- [22] Roeng F. Nationale Frage und Ostkolonisation // Historische Zeitschrift. — 1936. — Bd. 154. — H.1. — S. 101.
- [23] Beichtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. — Muenchen, 1941. — S. 7-9.
- [24] Camphausen G. Das Russlandbild in der deutschen Geschichtswissenschaft 1933 bis 1945 // Das Russlandbild im Dritten Reich. — Koeln, Weimar, Wien, 1994. — S. 264.
- [25] Айхгольц А. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма // Новая и новейшая история. — 2002. — № 6. — С. 67.
- [26] Camphausen G. Das Russlandbild in der deutschen Geschichtswissenschaft 1933 bis 1945 — S. 268.
- [27] Guenter A. Organisation der Bevoelkerungsgeschichte als Grundlage der Bevoelkerungspolitik // Allgemeines statistisches Archiv. — 1935/1936. — Bd. 25. — S. 170.
- [28] von Poletika Annullierte Volkszaehlung 1937 und Bevoelkerungsstand in der Sowjetunion // Allgemeines statistisches Archiv. — 1939. — Bd. 28. — S. 355-356.
- [29] Das Eisenbahnnetz der UdSSR // Schriften des Instituts fuer Konjunkturforschung. Wochenbericht. — 30. Dezember. — 1939. — № 51/52. — S. 291-296; Die Organisation der Aussenhandel in der Sowjetunion // Schriften des Instituts fuer Konjunkturforschung. Wochenbericht. — 30. Dezember. — 1939. — № 44. — S. 257-262; и др.
- [30] Camphausen G. Das Russlandbild in der deutschen Geschichtswissenschaft 1933 bis 1945. — 272.
- [31] Schieder T. Organisation und Organisation der Geschichtswissenschaft. // Historische Zeitschrift. — 1983. — Bd. 237. — H.2. — S. 280.
- [32] G. Merschberger. Vom Werden unseres Volkes. Teil A: Deutsche Vor- und Fruhegeschichte. — Dresden, 1942. — S. 3.

ЭКСПРЕССИОНИЗМ В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ

И.А.Герасимович

г. Минск, ЕГУ

Среди многочисленных «измов» и «артов» начала XX века, наверное, наиболее сложно определяемым и многозначным является экспрессионизм. Даже относительно появления самого слова существуют несколько версий. Многие источники утверждают, что впервые в 1911 году его употребил Вильгельм Воррингер, автор книги «Абстракция и чувствование». Другие же приписывают авторство Полго Кассиреру, который перед картиной Пехштейна